

Б. ГРИФЦОВ

Об Александре Блоке, искренности и декадентстве

Творчество Александра Блока идет в стороне от пестрых и разрозненных течений нового искусства.

Иногда кажется, что в нем есть что-то очень старое, какое-то полуоторвавшееся, неразгаданные сны далеких, далеких предков. Это было очень давно. Очень давно кто-то рассказал чудесную, тайную сказку, ее забыли, ее затуманили длинными разговорами о гражданских мотивах, о рассудочных построениях мистики и искусства.

Вообще, кругом литературная жизнь течет по своему консервативному шаблону. Недавно выставляли дерзкие вызовы, «декадентство» обещало какие-то новые неизведанные бездны и мучительно-радостные искания. Теперь оно сбрасывает свою рекламную личину исканий, но уже — защитник строгой формы, культуры, оно уже сковало новые цепи, еще более тяжелые, чем «гражданское» искусство, оно хочет сослаться на столетия.

Или, с другой стороны, в нем вдруг прорвется трафаретная тенденциозность: искусство и мистическое действо. Мало искусства — нужны новые мистерии, поднятие позитивистически-пошлой действительности до восторженного религиозного гимна.

Я не стану смеяться над мистиками такого рода: среди них есть глубокие люди, но отчего все это оставалось только внешним разговором, путаным набором слов, за которыми часто виднелись наивные, наивные мысли и любовь к словам?

Может быть, это признание слишком поспешно, может быть, мы же еще увидим переход уединенного поэтического творче-

ства в мистическое действо. Ах, поверит ли ему теперь кто-нибудь? То, что нарождалось при таких надеждах, оказалось мало отличным от окружающей тины. Декадентство слишком быстро сошло в низины, слишком неожиданно стало разминиваться на фельетоны, на семейные ссоры, на холодное и ненужное умничанье.

С так называемых «реалистов» и «знаньевцев»¹ нечего и спрашивать: от них никто и не ждал ни искусства, ни исканий, ни новых гимнов.

Но с какой болью чувствуешь, как «декадентство» на вопрос о мучениях отвечает самодовольной ссылкой на культуру или путается в трех соснах всяких теургий, «жен, облеченных в солнце», мистических анархизмов.

Есть и еще одна черта, характерная для многих струй нового искусства: мнимое возрождение народного духа. Правда, это возрождение дало кое-что цельное и большое. Но как много в этом возрождении не действительного, полного не муки слияния с народом, а поспешной маскировки своей слабости. Уже забыты совсем трагедии уединенного духа, от них открещиваются как можно скорей, их прикрывают народным удальством, будто бы народной тоской.

Не знаю, может быть, кто-нибудь и верит, что в этих песнях открывается подлинное, русское, народное.

Во всяком случае, и народность, и сугубый мистицизм, а может даже «символизм» в кавычках, и все, что приходится подчеркивать, разъяснять в искусстве, всегда будет звучать чем-то словесным.

Если само творение не сможет постоять за себя, никакие подведения его под рубрики социал-демократической или мистической оценки нисколько не помогут.

Приходится защищать, как это ни странно, такие свойства поэта, как искренность, непосредственность.

Не разумелось ли само собой, что искусство должно действовать непосредственно, как нечто неразгадываемое, что в этом необходимейшее условие его влияния? И тем не менее теперь это приходится подчеркивать и не только для «знаньевцев» с их благородными гражданскими выводами, но особенно для мистиков, декадентов.

И как часто хочется сказать: Блок, может быть, самый несомненный поэт именно потому, что он искренен. Утомившись от бесплодных и выспренных словопрений, чувствуешь, как живителен этот чистый источник выстраданного, глубокого и ясного.

Есть одно творение Блока, совсем еще недавнее, но уже, конечно, полузабытое, значимость которого приходится особенно подчеркивать. Я имею в виду его «Снежную маску», маленькую книжку в 30 стихотворений². Такие книги создают эпоху в литературе, на них можно сослаться с радостной гордостью, когда станут упрекать наше время за бесплодие.

Но кто же ее мог оценить? «Декаденты», в руках которых теперь монополия на произведения искусства, обмолвились двумя-тремя словами, чуть ли не упрекнул кто-то за несовершенство рифм. Им было некогда, они слишком заняты исканием новых форм, словами о символизме.

А общество? Оно не восприняло единственно ценной проповеди «декадентов», *проповеди самоценности искусства*, его слишком запугали выпренные слова, да и судить о Блоке оно пыталось только по тем гимназическим стихам, которые Блок печатает в прибавлении к газете «Русь»³.

«Снежная маска» — книга более интересная и глубокая, чем даже «Нечаянная Радость», хотя в последней есть отдельные стихотворения несравненной напряженности. «Снежная маска» — книга о любви. Любовь, может быть, единственное чудо, которое мы знаем и через которое мы можем рассмотреть мир иной, мир тайных переживаний, раскрывающихся у каждого, кто сбросит с себя пышные слова и обычную суетливую беготню, и карточные домики из построений ума.

От «Снежной маски» делается страшно и больно именно от ее искренности. Здесь есть тот захват, который до сих пор был только у Достоевского, правда, совсем в иных красках, но той же обнаженности, той же искренности.

Если говорить о мистическом действе, то в чем оно может проявиться более, как не в этом слиянии с душой поэта, не с его мыслями, а с тем, о чем он никогда не станет рассказывать словами, что выглянет из-за музыки его стихов.

Если остался еще какой-нибудь смысл в том основном чувстве, которое символизировалось словом «Причащение», то он может проявиться именно в этом причащении интимному в душе поэта. Через любовь он познал неизбежность, в любви он увидел ту силу, которая и влечет на «снежный костер», за любовью открылся лик смерти.

Спрашиваешь себя: пережив «Снежную маску», можно ли продолжать жить? И вместе с тем знаешь: не изжита неизбежность, как символ пережита смерть, осталось ли в жизни что-нибудь страшное? За тем пустым содержанием, которое наполняет голову каждый день, за всеми текущими отношениями

открылся мир сказки. И уже знаешь, что живешь этой сказкой больше, чем ничтожными событиями из мира отношений с людьми и логических построений.

Поэт пережил и перестрадал за нас эту бездну. И точно все мы очистились его страданием. За всех нас принесена очистительная жертва в Великую Сокровищницу Мучений. Мы очищенные выходим в мир, зная о сказке, о том, что за этим миром есть тайна и чудо. И мы причастились им.

